

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

ЧЁРНЫЙ
НОВЫЙ ГОД

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-49

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Валерий Петелин*

Ч-49   Черный Новый год: сборник рассказов /
Составители: М. С. Парфенов, Олег Кожин.— Мо-
сква: Издательство АСТ, 2021.— 411, [3] с.— (Са-
мая страшная книга).

ISBN 978-5-17-139480-6

Новый год — волшебный праздник, но чудеса и магия не всегда бывают добрыми.

Что получится, если на самый большой, самый главный, самый светлый праздник в году обратят свой взор авторы ужасов и мистики?

Получится антология «Черный Новый год»! Это книга, которая заставит вас взглянуть на Новый год совсем другими глазами. Это истории, после которых ваше новогоднее настроение уже никогда не станет прежним. Черный Новый год наступает. Бьют в набат адские куранты. Время распаковывать подарки.

Будет необычно. Будет весело. Будет страшно. Вперед же, смелее!..

Только не забывайте: «Если долго вглядываться в Деда Мороза, Дед Мороз начнет вглядываться в тебя»...

© Авторы, текст, 2021
© Парфенов М. С., Олег Кожин, составление, 2021
© Валерий Петелин, обложка, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

*В этой части, милый друг, мы собрали
для тебя несколько уже не совсем новых,
но премилых историй, опубликованных в тех
или иных наших книгах в прошлые годы.*

*Пусть эти истории послужат заправкой,
закуской перед основным блюдом.*

*Считай их лишь присказкой, а по-настоящему
волшебные сказки ждут тебя впереди!*

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

МЕШОК БЕЗ ПОДАРКОВ

Если долго вглядываться в Деда Мороза, Дед Мороз начнет вглядываться в тебя. У Ницше было чуть-чуть по-другому, но ему не доводилось оказаться в Великом Устюге перед самым Новым годом. Город наводняли седовласые бородачи всех мастей и возрастов, однако такого подозрительного за свою недолгую карьеру Снегурочки Кира еще не видела. Маленький и сморщенный, точно соленый огурец, в дырявой шубе наизнанку, вместо шапки – серебристый колтун, перетекающий в бороду из сомнительного реквизита. Страшилище росло из сугроба у обочины, а на вылепленном из грязного снега лице сверкали отблески лунного света. Даже в темноте чудилось, что невидимые глазки наблюдают за ползущими по дороге санями.словно в ледяную корку был замурован бродяга, который вот-вот поднимет руку и попросит подвезти.

Санями управлял Марк, самый странный Дед Мороз из тех, что доставались Кире в напарники. Энергичный и веселый во время выступлений, любимец детей и лучший друг родителей, за порогом он превращался в угрюмого молчуна. Сгорбленный на своем сиденье, Марк больше походил

на Харона в лодке с мертвецами, чем на волшебного старичка с полными санями подарков.

— Мне так-то за хорошее настроение не доплачивают,— жаловался он с утра, едва не подпалив накладную бороду сигаретой,— поэтому и веселюсь я в строго оговоренное время, после предоплаты.

Вот и сейчас он был отключен от внешнего мира. Гнал вперед болезного вида кобылу и мотал головой под звон многочисленных колокольчиков. Идея с санями и лошадьёю принадлежала начальству. Клиенты довольны, в городе встречаются целыми дворами, заказов полно, значит, и цену поднять не грех. А что кому-то в этой повозке мерзнуть весь день, так это дело житейское, бывает. Зато платили очень прилично, особенно по меркам студентки великоустюжского меда, которая только начинала самостоятельную жизнь.

Кира куталась в пледы и всматривалась в огоньки впереди. Новогодняя ночь выдалась безоблачной, спокойной. В ногах, как любимый кот, урчал переносной генератор, раскрашивая повозку во все цвета электрической радуги. Свет редких фонарей вдоль трассы выедал в темноте оранжевые треугольники, точно куличики из песка. За спиной в городе громыхали первые фейерверки. Машин практически не было.

Они проехали взятый в плен шеренгами елок участок дороги и миновали деревню Журавлево. Прямо по курсу лежал последний пункт назначения — Коробейниково. Последний, но самый важный, потому что этот визит Кира оплатила из своего кармана.

— Как мальчишку зовут? — спросил Марк.

— Коля. Ты только по стишкам его не гоняй долго, не любит он их. И не пей с отцом, а то тому лишь бы повод.

Марк хмыкнул.

— С тем не пей, с этим... Так и околеть недолго.

— Успеешь еще, десятый час только,— сказала Кира, проверяя мобильник. В общаге все сейчас провожали год шампанским, а ее от одного вида застолий выворачивало. За неделю насмотрелась на годы вперед.

— Ну-ну,— пробурчал Марк, и сани покатали к деревне.

Их встретили на улице большой компанией, но предложить Деду Морозу рюмку никто не догадался. Марк распрямил горб, расправил плечи и фирменным басом принялся расписывать свои приключения на пути сюда. Кира с улыбкой смотрела на довольного Кольку. Он носился по снегу, запрыгивал в сани, пытался читать стихи, прятался за взрослых, а потом выныривал в маске медвежонка, на которого и впрямь был похож в своей лохматой шубе, ушанке и рукавицах.

— Вот это Топтыгин! — воскликнул Дед Мороз.— Ну и егоза!

— А как зовут вашу лошадь? — поинтересовался Колька, мастер нескончаемых вопросов на любую тему.— А почему она одна? Должно же быть три!

Марк на секунду завис, а потом вспомнил про мешок.

— Давай-ка мы лучше посмотрим на подарочки!

Только пара цветастых коробок смогла уговорить Кольку, который собирался кормить лошадь конфетами. Пока брат раздирал упаковку прямо в санях и под чутким наблюдением Марка изучал игрушки, отец бубнил Кире на ухо. Рассказывал, как

ходил за елкой и как сильно-сильно соскучился по своей доченьке любимой, Снегурочке-красавице. Хвастался другом, который в очередной раз обещал устроить на работу. Но Кире было неинтересно слушать заплетающийся язык, неинтересно смотреть на залитых по самые веки папиных гостей. Интересовал ее только снеговик у соседнего дома, схронившийся в тени крыльца. Снеговик, сделанный под Деда Мороза. Шуба наизнанку, борода, грязный снег вместо лица — все то же самое, только у этого был посох в виде громадной сосульки.

— Ну, а чего губы надула-то? Чего такого-то? — говорил отец, по-своему расценив молчание Киры. — Ну, посидели. Ну, выпили, да, выпили. Так ведь праздник, все как полагается. Что ж нам, плакать тут, что ли?

— Мама и в Новый год в больнице дежурит, — с трудом сдерживаясь, произнесла Кира, — а ты тут чего устроил?

Дружки отца помалкивали, запихнув руки в карманы и переминаясь с ноги на ногу. Эта компания черных истуканов напоминала Кире колядующих времен язычества, которые изображали духов. Вместо масок — проспиртованные пластиковые лица, вместо «деда», самого страшного и молчаливого духа, жуткий «снегомороз» с ледяным посохом. Оставалось вывернуть тулупы и пойти колядовать по деревне.

— Мама твоя, знаешь, мама — она еще ого-го как со своими там отметит, нам всем и не снилось. Вспомнила маму, ишь. Вспомни еще, где и с кем она там в городе ночует, пока мы с Колькой тут вдвоем, сами по себе.

Колька вовсю хозяйничал в санях. Дергал за поводья, гремел колокольчиками и пытался

раздобыть еще подарков. Кира хотела подойти к снеговика поближе, рассмотреть это странное чучело, но отец взял ее под руку и зашептал, точно заговорщик:

— Кир, понимаешь, ну... тут ведь случай какой. Возьмите Кольку на часок, а? Покатайте там, туда-обратно, красота ведь кругом какая. Зима, чудеса. Тепло ж на улице, а Кольке как раз нужно шубу новую выгуливать. Мне сходить там надо, ну, по делу одному.

— К Кате этой, что ли? Или как там ее? Может, вам еще и постелить в моей комнате?

Отец поморщился и опустил голову, разглядывая следы на снегу. Нервно пожал плечами, как виноватый школьник. Он был жалок и сам это понимал.

— Зря ты так, я ж ведь...

Казалось, холод чуточку прояснил сознание, прочистил мозги, но вернувшаяся на лицо ухмылка разрушила иллюзию.

— А, ладно. Колька! — крикнул он, повернувшись к саням. — Поедешь с Дедом Морозом кататься, а? Салюты в городе смотреть поедешь? С лошадкой на санках!

После такой подянки загнать ребенка домой не было ни единого шанса.

Их ждали на пересечении Гледенской и Песчаной улиц, километрах в пяти от деревни. Марк, отключивший режим доброго Деда Мороза, просто взбесился, узнав о новом пассажире. Видимо решил, что обратно везти Колю именно ему, и второй ходки не избежать.

— А ваша шуба теплей, чем моя?

Марк убедительно прикидывался глухонемым, но Колька не сдавался.

— А вы когда-нибудь залезали в дом через трубу?
Кира усмехнулась, похлопала Марка по плечу, но тот наотрез отказывался развлекать ребенка.

— А из чего делают бороду Деду Морозу?

— Коля, видишь, дедушка устал, старенький он, так что лучше к нему не приставай,— сказала Кира, заворачивая брата в плед.

— Да я знаю, что он ненастоящий Дед Мороз. И даже не дедушка никакой.

— Господь всемогущий,— притворно изумился Марк, на развилке уводя сани вправо,— нас раскрыли!

Колька захохотал, и ребяческий голос эхом зашагал по пустынной дороге.

Греться под пледом оказалось слишком скучно. Кольке не сиделось на месте, он вылавливал крупные снежинки, тербил светоотражатели и лампочки, криком «ура!» встречал любой распускающийся в небе цветок фейерверка и привычно сыпал вопросами. С какой скоростью едут санки? Сколько осталось до Нового года? Когда приедет мама? Почему второй Дед Мороз такой маленький?

И тут Кира увидела его сама. Это был не снеговик. Знакомый коротышка стоял посреди дороги, выглядывал из шубы-кокона, а с его лица сыпались льдинки, точно лоскуты мертвой кожи. Оттаявшая борода походила на собачью шкуру, в черном провале пасти кривым частоколом напозлали друг на друга челюсти.

— Привет, Дед Мороз! — закричал Колька.

Старик повернул голову к мальчишке, вдохнул и со свистом выпустил воздух. Лошадь заржала и дернулась вперед. Чертыхнулся Марк. Ледяной вихрь ударил в сани, окутывая их серым кроше-

вом. Кира повалилась на пол и прикрыла собой Кольку. В спину вонзились холодные колючки, мороз сдавил кости. Стало нечем дышать.

— Пошла! Пошла! — орал Марк в молочном тумане.

В небе вспыхнул огненный шар и развалился на тысячи искорок. Вторая волна фейерверков смела с неба темноту, и облако снежинок над санями рухнуло в дорожную кашу. Все затихло.

— Вот это круто! — рассмеялся сквозь кашель Колька.

Кира высунула голову и посмотрела назад. Старик зарывался в снег у деревьев, утаскивая с собой здоровенную палку, похожую на замороженный сталактит. Чертов посох...

— Кир, а это ж он был, да? Ну, Злой Мороз? Помнишь, ты рассказывала? Если я буду плохо себя вести, придет вот он, страшный такой. Бог язычный.

Кира помнила. Дернул ее черт поугагать любопытного братишку, хотя кто в Устюге не знает историю Деда Мороза? Вот она и рассказала о не самой популярной его личине.

— Не говори глупостей, я же шутила.

— Значит, детей он не ворует? — с недоверием спросил Колька.

— Никого он не ворует, успокойся. Просто дедушка много выпил, вот и все.

— Как наш папа?

— Нет, наш папа гораздо лучше. Ого, смотри, какой салют!

До города оставалось совсем чуть-чуть. Дорога тянулась сквозь лесной коридор, который сторожили заснеженные ели-великаны. В обычные дни машин тут хватало, но не сейчас. Марк дозвонился

до начальства, и теперь их должны были встретить еще раньше — у поворота на железнодорожный вокзал. Черноту неба все чаще прорывали разноцветные вспышки, лошадь перестала дергаться, а чокнутый старик сгинул в сугробе за спиной. Больше никаких причин для волнений не было. Кира попыталась улыбнуться брату, но лицо все еще не отошло от прикосновения мороза. Деда Мороза... Прежде чем согласиться на подработку Снегурочкой, Кира перелопатила кучу сайтов в поисках информации о новогодних традициях и героях. Она решила изучить образ Деда Мороза поглубже, раз уж собралась стать его помощницей. Тогда-то и выяснилось кое-что интересное. Добряком Дед Мороз был далеко не всегда. В стародавние времена его считали жестоким языческим богом, сыном Мары-смерти. Он собирал человеческие жертвоприношения и замораживал не только леса с реками. Повелевая пургой, губил урожаи, убивал животных и даже людей. Неспроста ведь в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» встреча с Морозом-воеводой для героини закончилась плачевно. В памяти всплыли строчки оттуда, после которых Колька отказался заучивать даже отрывок:

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

Тепло ли тебе, девица?.. Кира поежилась и вдруг поняла, что стало холоднее. Заметно холоднее. А еще, что они сбрасывают скорость.

— Ну, пошла!

Лошадь стала спотыкаться, скользить. Кира опустила взгляд на дорогу и увидела лишь лед.

Гладкую зеркальную поверхность, по которой ползли черные трещины.

— Дед Мороз! — заголосил Колька, тыча пальцем в темноту позади.— Он посохом землю ковыряет!

Из земли выросли прозрачные, как колодезная вода, сосульки. Взметнулись вверх, подцепив лошадь, точно вилами, и разошлись в стороны. Сани опрокинулись на бок, заорал среди кусков разорванной туши Марк. Налетевший ветер принес с собой запах гнилой картошки и ядовитый хохот.

Кира тащила за собой брата, который больше не веселился и не задавал вопросов. Он бесшумно плакал. Бежать было невозможно — лед пожирал дорогу, растекался до самого леса, лунками проваливался под ногами. Небо затянуло снежным маревом, и взрывы фейерверков больше не освещали округу. Волоча по земле посох, следом шел Дед Мороз.

Колька споткнулся, когда с ними поравнялся Марк. На лице мальчишки причудливым узором замерзла лошадиная кровь, а в глазах застыли слезы.

— А... ты... говорила...— всхлипывая на каждом слове, задыхался Колька,— что... шутишь...

— Коленька, родной мой, мы почти дошли уже. Давай, нужно вставать.

Пытаясь поднять брата, Кира увидела, что ноги его вмерзли в землю. Вокруг старых сапожек сомкнулись ледяные кандалы.

— Поймал меня...

Темная фигура за его спиной приблизилась и вытащила из-под шубы мешок.

— Марк, помоги!

Дед Мороз отбросил Киру назад и оскалился. Ловко сгреб Кольку в мешок, закинул его на плечо

и шагнул к сугробу. Воткнул посох в снег, и из ледяной земли поднялся колодец.

— Нет! Стой! — крикнула Кира.

Дед Мороз перехватил мешок двумя руками и прыгнул. Кира бросилась к колодцу, но было слишком поздно. Кольцо из черных камней затянулось ледяной коркой и провалилось в подземное царство.

Когда зеркальную дорогу облизал свет фар, Кира копала. С неба тихонько спускались снежинки, а она вспоминала всякую ерунду. Как однажды Колька вылетел с крыльца встречать ее в день рождения, споткнулся и в праздничной одежке плюхнулся в лужу, окатив заодно и сестру. Или как почистил зубы папиным кремом для бритья, а потом всю неделю клянчил газировку, чтобы перебить гадкий вкус.

Захлопали дверцы машины. Зазвучали голоса.

— Он слишком, слишком рано появился. А я пытался, говорил ей, что нельзя мальчишку брать, но кто ж знал...

Это Марк. Самый странный Дед Мороз в их фирме. Вредный и ворчливый.

— Ох, жалко пацана... Но мало его. Не закроется колодец, не-а. На чуть-чуть только. Посох-то остался. М-да...

А это Семенов, дядька из руководства. Все его «м-да» и «охи» Кира запомнила еще на собеседовании. Хотя голоса ее больше не волновали. Нужно было разрывать снежную яму. Потому что внизу был Коля. Кира пыталась вытащить посох из земли, но от одного прикосновения варежки промерзли насквозь. Дальше она копала голыми руками.

— Все по плану, спокойно. Дорогу уже переродили на всякий случай. Давно он в нашем районе не вылезал.

А это говорил кто-то чужой, с уверенным и спокойным голосом оператора службы техподдержки. «Здравствуйте, меня зовут Имярек, все разговоры записываются, чем я могу вам помочь? Какой-какой языческий бог?»

— Давайте скорее.

Когда ее схватили под руки, Кира завизжала. Ей нельзя было отрываться, плевать на сломанные ногти и окоченевшие пальцы. Под снегом был колодец, не мог он просто так исчезнуть. Киру оттащили к дереву, и огромные рукавицы с вышивкой в форме снежинки принялись обматывать ее веревкой.

Вокруг стояли Деда Морозы. Красные шубы, лица под масками из ватных бород, усталые глаза в свете фар. За спиной, в том месте, где исчез колодец, захрустел снег. Послышалось ворчание. Деда Морозы переодели шубы, вывернув их наизнанку, и отошли к дороге. У Имярека зажужжал телефон.

— База? Слышно меня? — прошептал он. — Шоссе Р157 Урень-Шарья-Котлас, околотовзальный участок. В этом году у нас проснулся, да. Остальным трубите отбой.

Лицо обдало студеным воздухом и запахом падали. В позвоночник кольнул холод. Из конечностей ушла чувствительность, снег запорошил глаза. Кира замерла, не в силах повернуть голову к фольклорной байке, Великому старцу Севера. Она видела лишь троицу Дедов Морозов, чьи бороды в болезненном свете автомобильных огней напоминали черепа. Черепа смотрели не на ее парализованное тело, а немного в сторону. На того,